

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

М.А. Маслин

«ПОТОК ИДЕЙ»: НОВАЯ КНИГА АНДЖЕЯ ВАЛИЦКОГО

*Andrzej Walicki. The Flow of Ideas.
Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical
Renaissance. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. 877 pp.*

Маслин Михаил Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: rf@philos.msu.ru

Рецензия представляет монографию всемирно известного польского историка русской философской мысли. Анджей Валицкий — академик Польской Академии наук, заслуженный профессор университета Нотр Дам (Индиана, США). Монография является доработанным и дополненным изданием книги «История русской мысли от Просвещения до марксизма», основного англоязычного руководства по изучению русской философии за рубежом (переведена на русский язык в 2012 г.). Опубликование новейшей монографии Валицкого оценивается автором рецензии как серьезное событие для истории русской философии как науки. Эта книга заставляет по-новому оценить и переоценить результаты исследований в этой области за последние более чем тридцать лет, позволяет отбросить некоторые укоренившиеся штампы и стереотипы. Работа Валицкого является основой для реального диалога между российскими и зарубежными исследователями в области русской философии. Достоинства этого большого монографического исследования отнюдь не исчерпываются его историографической полнотой, логичностью построения, широтой и фундаментальностью охвата материала, ясностью научного языка. Это фундаментальное издание, основанное на самостоятельном авторском анализе русских первоисточников, а не на чужих заимствованных мнениях.

Ключевые слова: Просвещение в России, русская философия, религиозно-философский ренессанс, русская интеллектуальная история, поток идей, Валицкий

Новая фундаментальная работа всемирно известного польского историка русской мысли — академика Польской Академии наук Анджея Валицкого под названием «Поток идей. Русская мысль от Просвещения до религиозно-философского ренессанса» опубликована во Франкфурте-на-Майне при финансовой поддержке министерства науки и высшего образования Республики Польша. Она представляет собой существенно доработанное и дополненное издание его широко известной книги «История русской мысли от Просвещения до марксизма». По-польски это исследование было опубликовано в

1973 г.¹, по-английски оно неоднократно публиковалось в США и Великобритании². Стэнфордский ун-т переиздает ее ежегодно, начиная с 1981 г. Фактически это означает, что авторская монография Валицкого является за рубежом основным англоязычным руководством по изучению русской философии, при этом работы Валицкого пользуются также академической известностью в России³. Есть все основания считать, что опубликование монографии Валицкого в ее новейшем варианте является событием для истории русской философии как науки. Эта книга не может быть незамеченной, она заставляет по-новому оценить и переоценить результаты исследований в этой области за последние более чем тридцать лет, в том числе позволяет отбросить некоторые укоренившиеся штампы и стереотипы. Особенно важно подчеркнуть, что работа Валицкого представляет собой основу для реального диалога между российской и зарубежной историографией русской философии.

Рецензируемая книга в основе своей является обновленным английским переводом польского издания монографии Валицкого 2005 г.⁴. Первый вариант данной книги включает 18 глав; новейший, расширенный вариант – 23 главы, разбитые на 5 разделов, выделенных по хронологическому и предметному принципу. I раздел «От Просвещения к Романтизму» состоит из глав: «Направления и тенденции просветительской мысли» (1); «Кульминация Просвещения в России: Александр Радищев» (2); «Политическая философия в эпоху Александра I» (3); «Антипросветительские течения начала XIX в.» (4); II раздел посвящен эпохе царствования Николая I и включает главы: «Петр Чаадаев и религиозное западничество» (5); «Славянофильство и другие версии анти-западничества» (6); «Русские гегельянцы: от «примирения с действительностью» к «философии действия» (7); «Белинский и различные варианты западничества» (8); «Петрашевцы» (9); «Истоки “русского социализма”» (10); III раздел «Социальные и политические идеологии в период Реформы и Контрреформы» включает главы: «Николай Чернышевский и «просветители-шестидесятники» (11); «Консервативные идеологии после Крестьянской реформы» (12); «Народнические идеологии» (13); «Анархизм» (14); «Борис Чичерин и консервативный либерализм» (15); «Между народничеством и марксизмом» (16); IV раздел «Философская и религиозная мысль в пореформенной России» включает главы: «Писатели-пророки» (17); «Владимир Соловьев и метафизический идеализм» (18); «Варианты позитивизма» (19); «Метафизический идеализм» (20); V заключительный раздел «От рубежа столетий к последствиям Первой революции» состоит из глав: «Три варианта марксизма на рубеже столетий» (21); «Кризис марксизма и интеллектуальное становление религиозно-философского Ренессанса» (22); «Религиозно-философский Ренессанс и рефлексия опыта Первой революции» (23).

Пять из двадцати трех глав в рецензируемой книге являются совершенно новыми (главы 15, 20–23). Кроме того, Валицкий написал ряд новых подразделов, несомненно, проливающих свет на многообразие проявлений рус-

¹ *Walicki A.* Rosyjska filozofia I mysl spoleczna od Oswiecenia do marksizmu. Warszawa, 1973.

² *Walicki A.* A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford (Calif.), 1979.

³ *Валицкий А.* История русской мысли от Просвещения до марксизма. М., 2013; *Он же.* Философия права русского либерализма. М., 2012. Кроме того, Анджей Валицкий неоднократно публиковал статьи в журнале «Вопросы философии», выступал в России на научных конференциях и презентациях своих работ.

⁴ *Walicki A.* Zarys myśli rosyjskiej. Od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego. Kraków, 2005.

ской философской мысли. Это подразделы об И.С. Гагарине, В.С. Печерине, Ф.И. Тютчеве, Н.В. Чайковском, П.Д. Юркевиче, А.М. Бухарева (архим. Феодоре), В.И. Несмелове; подразделы о философии права В.С. Соловьева, его экуменических и теократических идеях и др. Автор внес ряд редакционных правок, источниковых, библиографических и иных добавлений, отражающих развитие предметной области истории русской философии как науки с конца 70-х гг. прошлого века до 2015 г. включительно. Кроме того, монография содержит «Библиографическое приложение», которое представляет собой краткую аннотированную библиографию главнейших научно-справочных изданий по русской философии на русском, английском и польском языках. Заметим, что жанр аннотированной библиографии, к сожалению, бывает редко в ходу у российских авторов, и книга Валицкого дает его полезный образец.

Достоинства этого большого монографического исследования отнюдь не исчерпываются его историографической полнотой, логичностью построения, широтой и фундаментальностью охвата материала, ясностью научного языка. Это научное издание, основанное на самостоятельном авторском анализе русских первоисточников, а не на переводах и чужих стереотипных мнениях, что нередко свойственно зарубежному «взгляду со стороны». Разумеется, автор отдает дань уважения своим предшественникам, польским, британским и американским историкам русской мысли, а также многим мыслителям русского происхождения, с которыми он общался во время своей работы за рубежом. В числе последних – Г.В. Флоровский, П.А. Сорокин, Е.И. Ламперт, С.В. Утехин, Н.М. Зёрнов. Валицкий считает по-прежнему ценным источником сведений о русской религиозной философии известный двухтомник В.В. Зеньковского и довольно часто ссылается на его английский перевод, сделанный Джорджем Клайном в 1953 г.⁵ Вместе с тем, Валицкий считает позицию Зеньковского по части его объяснения содержания «секулярного радикализма» неудовлетворительной по той причине, что последний интерпретировал вовсе не собственно мировоззренческую основу взглядов «секулярных радикалов», а представлял русских мыслителей секулярного направления в качестве «подсознательных религиозных мыслителей, тесно связанных с православным христианством»⁶. В своей критике Зеньковского Валицкий солидаризируется с Фредериком Коплстоном, который будучи иезуитом и поклонником русской религиозной философии, все же считал неприемлемым объяснение Зеньковским корней русского секуляризма, чреватое неспособностью понять корни русской революции⁷. Подобная «маргинализация целого направления секулярного радикализма» квалифицируется Валицким в качестве своего рода перевернутого аналога советской «маргинализации, или даже элиминирования» другого, а именно религиозного направления русской мысли.

Даже простое перечисление названий двадцати трех глав книги Валицкого показывает, что его работа по сравнению с монографией Зеньковского содержит не менее разнообразный корпус имен и материалов по истории русской философской мысли XVIII – начала XX в. (правда, у Валицкого не-

⁵ Клайн еще при жизни передал в московский Дом А.И. Солженицына свою переписку с Зеньковским относительно подготовки перевода, к сожалению, до сих пор никем не освещенную. Как известно, этот перевод консультировал сам автор «Истории русской философии» и потому не может быть вопросов относительно качества перевода Клайна.

⁶ *Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Fr. a/M., 2015. P. 25.*

⁷ *Copleston F.C. Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame (Ind.), 1986. P. VII.*

сколько в меньшем объеме представлены религиозные мыслители). Однако прямое сравнение рецензируемой монографии с известным двухтомником Зеньковского здесь вряд ли уместно, поскольку книга Валицкого написана в совершенно ином ключе, а именно в том жанре, который на Западе принято называть «историей идей» или «интеллектуальной историей». Формирование и расцвет этого жанра приходится на период интенсивного развития Russian studies после Второй мировой войны, особенно активно происходивший в США. Основы американского россиеведения закладывали не только знатоки, но и создатели самой истории русской мысли, работавшие в ведущих американских университетах, такие первоклассные философы, как Георгий Федотов и Георгий Флоровский. Не стоит даже и говорить о том, что уровень понимания истинной ценности «сокровищ русской духовности» этими корифеями не шел ни в какое сравнение с «историко-философской наукой» советского образца, с ее догматами, ограничениями и запретами.

Валицкому в силу счастливого стечения жизненных обстоятельств удалось лично общаться и с учеными-эмигрантами, и с представителями первого послевоенного поколения британских и американских специалистов в области русской интеллектуальной истории. Вот почему книгу Валицкого можно считать сочинением «последнего из могикан», творчески транслирующим для нас драгоценные опыт и традиции предшественников, к сожалению, пока еще слабо усвоенные в России в полном объеме. Близкое представление о том, что такое жанр «интеллектуальной истории», можно получить в недавно опубликованном в русском переводе курсе лекций эмигранта «первой волны», профессора М.М. Карповича, прочитанном в Гарвардском университете. Карпович определял интеллектуальную историю как промежуточную сферу между отвлеченностью философии и конкретностью политики. Отсюда следует, что данная сфера «может называться прикладной философией, то есть философией, понятой прагматически – не как набор абстрактных положений о человеке и вселенной, но как теория, приложимая к проблемам человеческой жизни, индивидуальной и социальной»⁸. Валицкий не ссылается на Карповича, но нередко упоминает сходные по интонации подходы М. Малиа, Р. Пайпса, Л. Чемберлен, Н.В. Рязановского, М.И. Раева, С.В. Утехина и др. В жанре интеллектуальной истории исполнены также высоко оцениваемые Валицким остроумные, стилистически яркие и скорее публицистические, чем собственно историко-философские, статьи о русских мыслителях И. Берлина. Работы Берлина очень известны на Западе, но их плохо знают в России.

Вместе с тем, монография Валицкого отличается от большинства работ западных коллег, хотя и опирается на некоторые из них. Отличается по той причине, что западные работы по интеллектуальной истории России чаще тяготеют к истории, чем к философии. Валицкий, вышедший из «варшавской школы истории идей», (наиболее известным ее представителем является Лешек Колаковский, автор многотомной монографии «Главные направления в марксизме») больше занят описанием собственно философских идей и философских личностей их носителей, взятых в социально-культурном контексте. По его собственному признанию, «предметом этой книги является, по существу, история критически мыслящей элиты с особым подчеркиванием акцента на философию – особенно социальную, политическую и религиозную философию»⁹. Похожим был подход Бердяева к истории русской мысли,

⁸ Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 30.

⁹ Walicki A. The Flow of Ideas. P. 19.

не упускавший того, что князь С.Н. Трубецкой называл «живой историей философии», т. е. описанием индивидуального своеобразия идей в конкретных жизненных обстоятельствах. История русской философии, согласно этому подходу, производна от исторически сложившегося культурного контекста, она «озвучивает» культурно-историческую реальность, заставляет ее говорить, делает ее как бы «живой», ведь реальность «молчит», сама говорить она не может. И таким образом история русской философии находится по отношению к этой реальности в состоянии обусловленности, она соединена с ней многочисленными нитями связи. При таком подходе отнюдь не имеет значения, какой конкретной философской системе привержен автор, каковы ее преимущества и каким образом она спроецирована на исследуемый материал истории философской мысли, какова избранная автором методология, насколько последовательно она используется и т. п. Любые герменевтические процедуры допустимы, лишь бы их применение не сковывало свободу поиска и, самое главное, не искажало бы сам объект изучения. Исследователь интеллектуальной истории в идеале должен быть подобен пушкинскому дьяку из «Бориса Годунова»:

Так точно дьяк, в приказах поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Большая часть самых насущных философских вопросов, считает Валицкий, была сформулирована русской интеллигенцией в XIX в. Это время цветения русской культуры, когда интеллигенция берет на себя ответственность за будущее страны и русского народа: «В XIX столетии центральной проблемой русской мысли стала сама Россия. Кто мы такие? Откуда мы взялись и куда идем? Что мы несем остальному человечеству? Что мы должны сделать для выполнения своей миссии?»¹⁰. Трактовка Валицким наследия Чаадаева представляется особенно интересной и оригинальной. В его представлении Чаадаев был вовсе не ненавистником России или антипатриотом. Начиная со второй половины 30-х гг. XIX в. он трансформировал свои взгляды, высказанные в первом «Философическом письме» и представил их в оригинальной теории «привилегии отсталости» России от Запада. Согласно этой теории, «непохожесть» России рассматривается как «бесценный актив», который может позволить России не повторять ошибки Запада, перенимать европейский опыт и предложить миру пример решения острых проблем, возникающих на секуляризованном Западе. Именно такова логика многих русских мыслителей, представителей различных идейных течений, – считает Валицкий. Далее следует пояснение Валицкого: это не означает, что вся история русской мысли состоит лишь из заимствований и чужих влияний, которые только и должны быть предметом изучения интеллектуальной истории. Задача состоит в том, чтобы «исследовать тот интеллектуальный контекст», в который были вписаны эти влияния и изучить, насколько они были эффективны для органического развития собственной интеллектуальной истории.

Существует мнение, ставшее уже стереотипом, о том, что русская философия антропоцентрична, историософична, нравственно напряжена и социально привержена. И что вопросы теории познания для неё второстепенны, поскольку русская философия онтологична, а не гносеоцентрична. Это мнение идет от Зеньковского, хотя в действительности, как показывает Валиц-

¹⁰ *Walicki A. The Flow of Ideas. P. 22–23.*

кий, этот взгляд впервые был высказан Эрном, который считал, что для русской философии характерен «принципиальный онтологизм», своя система философских проблем, отвергающая кантовский феноменализм (меонизм) и утверждающая «логизм» в смысле возвращения к святоотеческому Логосу. Если продолжить суждения Валицкого о том, существуют ли некие универсальные, присущие всей русской философии склонности и предпочтения, то легко можно найти и другое мнение, прямо противоположное концепции «русского онтологизма». Оно принадлежит Н.О. Лосскому, весьма авторитетному автору «Истории русской философии», опубликованной на английском языке в 1951 г. Он, напротив, утверждал, что именно гносеологические построения составляют главное своеобразие русской мысли. Как он считал, все наиболее интересное в ней связано с разными вариантами теории познания. И Лосский тоже был по-своему прав, поскольку, например, во многих сферах логического знания Россия сказала свое собственное слово. Вопрос, следовательно, заключается вовсе не в существовании особой предметной области русской философии в виде «философского национализма», оспоренного в начале прошлого века С.Л. Франком и Е.Н. Трубецким. Русская философия, согласно Валицкому, является частью европейской философии и разрабатывает в целом ту же философскую проблематику. (Дискуссия о «философском национализме» подробно рассматривается в подразделах: «Новое славянофильство, онтологизм и поиск восточно-христианских источников русской философии»; «Владимир Эрн и идея восточно-христианского Логоса».) Другое дело, что поиски способов решения универсальных философских проблем в русской мысли отличаются своеобразием, что и показывает в своей книге Валицкий. Апогеем этих поисков национально-своеобразной русской философии в эпоху Серебряного века явилось книгоиздательство М.К. Морозовой «Путь», чья деятельность специально рассмотрена в монографии Валицкого. Здесь освещены основные начинания «путейцев» в области исследования наследия русской философии, включавшие первые в своем роде собрания сочинений П.Я. Чаадаева и И.В. Киреевского, монографии Н.А. Бердяева и В.Ф. Эрна, посвященные А.С. Хомякову и Г.С. Сковороде, издательские и другие проекты, в которых принимали участие Е.Н. Трубецкой, Г.А. Рачинский, М.О. Гершензон, В.И. Иванов и др. Наиболее перспективной идеей «путейцев», по мнению Валицкого, стала идея «возвращения к духовным корням христианского Востока», высказанная впервые еще Иваном Киреевским в 1856 г. в работе «О возможности и необходимости новых начал для философии», затем подхваченная и развитая Владимиром Соловьевым в 70-х гг. Валицкий пишет, что результаты движения по «возвращению к духовным корням» оказались далеко идущими для русской философской мысли и доказали свою перспективность не только для философии, но и для развития православного богословия. В свою очередь, они были замечены католической церковью в XX в. и повлияли на развитие католического богословия в целях его обновления. «Важность этого обновления была подтверждена в энциклике Папы Иоанна Павла II *Oriente Lumen* (Свет Востока. – М.М.) от 2 мая 1995 г., в которой содержится признание того, что православная духовная традиция превосходит во многих отношениях латинскую традицию»¹¹.

Особое значение автор рецензируемой монографии придает личному и теоретическому влиянию, оказанному на него двумя русскими эмигрантами еврейского происхождения – С.И. Гессеном и И. Берлином, глубоко укорененными в европейской философии и в то же время тесно связанными с идейны-

¹¹ *Walicki A. The Flow of Ideas. P. 822.*

ми традициями дореволюционной русской интеллигенции. Надо пояснить, что Берлин, будучи мыслителем рационалистического склада, не испытывал особого интереса к русской религиозной философии. Самым любимым его русским мыслителем был А.И. Герцен. Что же касается Гессена, то от него Валицкий унаследовал интерес к Серебряному веку и к русской религиозной философии. Валицкий сумел в своем творчестве синтезировать и развить, условно говоря, «линию Берлина» и «линию Гессена». Описание двух разных течений внутри относительно единого русского потока идей, формирующегося начиная с эпохи Просвещения, составляет основной предмет монографии Валицкого. Суть концепции книги отражена в ее названии – «Поток идей». В этом названии нет ничего искусственного или вычурного. *Поток идей* является удачной метафорой сути русской мысли в качестве *цельного, но разноликого и разнохарактерного* внутри себя потока. Эта метафора имеет наглядное визуальное подкрепление на верхней части обложки книги, где изображены извилистые разноцветные линии единого графического потока.

Логическое завершение к началу 1910-х гг. XX в. первого течения, основанного на «культуре секулярного радикализма, унаследованной революционным марксизмом» и расцвет второго, основанного на «неоидеализме и неолиберализме эпохи Серебряного века», составляют вместе то, что Валицкий называет «существенно важной паузой» в истории русской мысли. Введенное Валицким понятие «паузы» (*caesura*) требует дополнительного разъяснения. Если бы монография была написана по-русски, то здесь было бы более уместно русское слово «веха», имеющее для русской интеллектуальной истории символический смысл, поскольку оно ассоциируется с названием исторического сборника «Вехи» (1909). «С этого момента, – пишет Валицкий, – русская культура вступает в период драматического дуализма, поскольку культура интеллектуальной элиты становится отделенной от культуры революционной России»¹². Революционный марксизм в качестве формального наследника русского секулярного радикализма к этому времени потерял творческую связь в области философии как с европейскими, так и с собственными русскими традициями. На первый план вышла догматизация В.И. Лениным учения К. Маркса в интересах тоталитарного партийно-идеологического доминирования в области теории. Любые попытки каким-либо образом соотнести марксизм с иными философскими течениями (нищезнанием, эмпириокритицизмом, эмпириомонизмом, богоискательством) тотально подавлялись Лениным во фракционной партийной борьбе. Это отражено в его «Материализме и эмпириокритицизме», пропитанном особой ненавистью к любым проявлениям религиозно-философской мысли, которая была во главе противоположного течения. Но именно последняя в начале XX в. стала духовным центром и средоточием общественной активности, связанной с проблематикой церкви, семьи, образования, национальной культуры в целом. Философия Ленина, всецело направленная на захват власти, напротив, вне узких партийно-политических рамок была совершенно неизвестна в России. Валицкий обращает внимание на то, что в сборнике «Вехи», большинство авторов которого составляли бывшие «легальные марксисты», главное философское произведение Ленина было полностью проигнорировано и ни разу не было упомянуто ввиду того, что «книга Ленина не имела общекультурного значения и не могла рассматриваться в России в качестве репрезентативного продукта марксистской культуры»¹³. Этот воинствующий

¹² *Walicki A. The Flow of Ideas. P. 24.*

¹³ *Ibid. P. 712.*

атеизм Ленина явился одним из самых ярких свидетельств его отрыва от русской философской проблематики, которая была наполнена разными оттенками богоискательства и богоборчества, включая ставшие широко известными в мире идеи Толстого и Достоевского, но была почти свободна от концептуального атеизма, в отличие от французской традиции (за такими редкими исключениями как М.А. Бакунин и Г.В. Плеханов). Ленинская критика «гуманистической религии Фейербаха» (человек человеку Бог) стала впечатляющим примером этого нигилистического разрыва, включая даже разрыв с «идейно близким» Ленину гуманистическим антропологизмом Чернышевского. В действительности философия человека Чернышевского, как показывает Валицкий, формировалась отнюдь не на основе атеизма, а на идеях «нового христианства» Сен-Симона и Пьера Леру, после чего следовал логичный переход к Фейербаху, к его идее о том, что «тайной теологии является антропология». Валицкий пишет: «В сравнении с богатой и разнообразной традицией русской рецепции фейербахианства, включающей антропотезизм кружка Петрашевского и телеологический антропологизм Несмелова, использование Лениным идей Фейербаха представляется совершенно примитивным и крайне неудачным»¹⁴.

Упомянутая веха-пауза (*caesura*) замыкает в историческом и мировоззренческом смысле авторское описание Валицким движения русской интеллектуальной истории. Точная хронологическая рамка здесь неважна и даже несущественна, хотя приблизительно автор обозначает конец своего изложения 1910–1912 гг. Гораздо важнее – цивилизационная и социально-историческая веха, которая обозначила бы предел развития указанных двух течений единого потока русской мысли. Автор пишет: «Я считаю, что революция 1905 г. знаменует собой естественное окончание XIX века. В 1905 г. русское самодержавие вступило в фазу своего окончательного упадка; оппозиция против него приняла организованные политические формы, тогда как вновь завоеванные конституционные свободы сделали возможной открытую политическую активность и быстрое развитие институционализированных форм гражданского общества, которые, однако, не смогли усмирить революционные процессы»¹⁵. При этом Валицкий поясняет, что в книге указанная веха-пауза обозначена лишь в том смысле, что служит объяснением логики предыдущего восходящего развития тех идейных течений, которые образовались еще в XIX в. Но даже несмотря на прогрессирующее нарастание духовного разделения русского «потока идей» и вопреки веховской критике революционного интеллигентского нигилизма, выразители идей духовного возрождения России продолжали сознавать себя некоторое время в качестве продолжателей борьбы интеллигенции с самодержавием. «Они критиковали материализм, позитивизм и социально-ориентированный утилитаризм радикальной интеллигенции, сохраняя, тем не менее, ее этические и свободолюбивые устремления»¹⁶. В качестве примера Валицкий приводит тот факт, что еще перед Первой русской революцией, в 1904 г., в «Новом пути» С.Н. Булгаков опубликовал сочувственную статью о Н.Г. Чернышевском, посвященную 15-й годовщине со дня его смерти. Добавлю к этому, что незадолго до этой «некруглой» даты, в 1898 г. буквально вся интеллигенция России единодушно поминала Белинского по случаю пятидесятилетия его кончины. Такой единодушный интерес, правда,

¹⁴ *Walicki A.* The Flow of Ideas. P. 711.

¹⁵ *Ibid.* P. 24.

¹⁶ *Ibid.* P. 855.

по большей части критический, повторился в среде интеллигенции только один раз, в 1909–1910 гг., когда буквально все русские газеты отозвались на опубликование сборника «Вехи». Напрашивается сравнение с набоковским «Даром», где дано откровенно отрицательное и карикатурное изображение Чернышевского и его окружения. Позднее, уже в эмиграции, отношение русских философов к «интеллигентскому наследству» радикально изменилось. Примером служит известное высказывание И.А. Ильина о том, что «вся культура России нереволюционна и дореволюционна».

Валицкий отнюдь не «ставит точку» на обозначенной им вехе-паузе в интеллектуальной истории России. Развитие «мэйнстрима русской культуры Серебряного века» разворачивалось в России и дальше, вплоть до высылки 1922 г. и продолжалось в эмиграции, а линия революционного марксизма развивалась вплоть до 1917 г. и трансформировалась затем в советский период. Но это было бы уже предметом другой книги, которая рассматривала бы период «после религиозно-философского ренессанса», что не входило в замысел автора. Тем не менее, автор кратко обозначает общую канву дальнейшей интеллектуальной истории России, в том числе нарастание запретительных и репрессивных мер против религиозной философии. Большевикам во главе с Лениным нечего было предложить своим противникам в сфере русской философии, кроме высылки за границы Советской России («с глаз долой и из сердца вон»). Причем опубликованные документальные материалы по высылке 1922 г. указывают на ее насильственный характер: на допросах никто из русских философов не выражал желания покинуть родину и не высказывал открыто антисоветских взглядов (за исключением Ильина)¹⁷. «С этого момента, – пишет Валицкий, – культура русского религиозно-философского ренессанса ушла в эмиграцию, будучи закрытой и запрещенной для своей родины»¹⁸. Но высылка не означала ничего хорошего и для изучения наследия левой интеллигенции, поскольку в советское время все, достойное изучения, объявлялось «революционно-демократическим наследием» во главе с Чернышевским, главнейшим мыслителем домарксистской эры. Поэтому ситуация «русская мысль после коммунизма» предполагает воссоздание *всей полноты* потока русской интеллектуальной истории, во всем его многообразии, включая леворадикальные течения, освещение которых требует устранения фальшивого хрестоматийного глянца советского времени. Монография завершается этим напутствием ветерана философского россиеведения, сделавшего изучение русской интеллектуальной истории России частью своей личной судьбы и достигшего блестящих результатов, которые, несомненно, сами стали частью истории, заслуживающей изучения. Рецензируемая книга, несомненно, должна быть переведена на русский язык как лучшее и наиболее полное изложение русской интеллектуальной истории XVIII – начала XX в., имеющееся на английском языке.

Список литературы

Валицкий А. История русской мысли от Просвещения до марксизма / Пер. с англ. М.: Канон +, 2013. 480 с.

Валицкий А. Философия права русского либерализма / Пер. с англ. О.В. Овчинниковой, О.Р. Пазухиной, С.Л. Чижкова, Н.А. Чистяковой. М.: Мысль, 2012. 576 с.

¹⁷ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. М., 2005.

¹⁸ Walicki A. The Flow of Ideas. P. 858.

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ / Сост.: В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. М.: Русский путь, 2005. 543 с.

Karpovich M.M. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012. 352 с.

Copleston F.C. *Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev.* Notre Dame, (Ind.): University of Notre Dame Press, 1986. 445 p.

Walicki A. *Rosyjska filozofia I mysl spoleczna od Oswiecenia do marksizmu.* Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. 668 p.

Walicki A. *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism* / Trans. by H. Andrews-Rusiecka. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1979. 456 p.

Walicki A. *Zarys myśli rosyjskiej. Od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 864 p.

Walicki A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance* / Trans. by H. Andrews-Rusiecka, J. Kozak. Fr. a/M.: Peter Lang GmbH, 2015. 877 p.

The Flow of Ideas: a new book by Andrzej Walicki

Andrzej Walicki. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance.*

Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. 877 pp.

Mikhail Maslin

DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Russian Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rf@philos.msu.ru

This is a review of the recent monograph by Andrzej Walicki, one of the best known Polish historians of Russian philosophy. Walicki is Fellow of the Polish Academy of Sciences and Professor Emeritus of Notre Dame University (Indiana, USA). Walicki's present book is a revised and extended version of the work published back in 1979 under the title *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism* which came to be regarded as the standard English-language handbook on Russian philosophy (Russian translation printed in 2012). The appearance of Walicki's new book is a major event for every student of the history of Russian philosophy. Walicki not only reconsiders the large body of new research that has emerged over the past thirty years, but he rests his analysis on tireless study of original sources, thus ensuring both the encyclopedic completeness and an impeccable reliability of information his work provides. As a result, it offers a solid background for the dialogue between Russian and Western scholars of the subject.

Keywords: Andrzej Walicki, Enlightenment in Russia, Russian philosophy, religious-philosophical renaissance, Russian intellectual history, flow of ideas

References

Copleston, F.C. *Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev.* Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1986. 445 pp.

Karpovich, M. *Lektsii po intellektual'noi istorii Rossii (XVIII – nachalo KhKh veka)* [Lectures on Russian Intellectual History (XVIII – Beginning of XX Century)]. Moscow: Russkii put' Publ., 2012. 352 pp. (In Russian)

Makarov, V. & Khristoforov, V. (eds.) *Vysylka vmesto rasstrelya. Deportatsiya intelligentsii v dokumentakh VChK-GPU* [Exile instead of Capital Punishment]. Moscow: Russkii put' Publ., 2005. 543 pp. (In Russian)

Walicki, A. *Rosyjska filozofia I mysl spoleczna od Oswiecenia do marksizmu* [Russian Philosophy and Social Thought from Enlightenment to Marxism]. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. 668 pp. (In Polish)

Walicki, A. *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*, trans. by H. Andrews-Rusiecka. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1979. 456 pp.

Walicki, A. *Istoriya russkoi mysli ot Prosveshcheniya do marksizma* [A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism]. Moscow: Canon + Publ., 2012. 213 pp. (In Russian).

Walicki, A. *Filosoftya prava russkogo liberalizma* [Legal Philosophies of Russian Liberalism], trans. by O. Ovchinnikova, O. Pazukhina, S. Chizhkov & N. Chistyakova. Moscow: Mysl' Publ., 2012. 576 pp. (In Russian)

Walicki, A. *Zarys mysli rosyjskiej. Od Oswiecenia do renesansu religijno-filozoficznego* [An Essay of Russian Thought. From Enlightenment to Religious-philosophical Renaissance]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 864 pp. (In Polish)

Walicki, A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*, trans. by H. Andrews-Rusiecka & J. Kozak. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. 877 pp.